

ГРИГОРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

Член Союза писателей России с 1985 года. Родился в 1947 году в городе Макеевка Донецкой области. Окончил Кировоградскую школу высшей лётной подготовки. Работал штурманом гражданской авиации на внутренних и международных авиалиниях. Автор поэтических сборников: «Разбег» (1976), «Грозы» (1982), «На встречных курсах» (1986), «Зона ожидания» (1989), «Открой поэта» (1991), «Слово не даётся без любви» (2013), а также биографической книги «Жизнь Г.Ф. Морозова» (2004). Инициатор создания «Энциклопедии сёл и деревень». Лауреат премий имени В.Я. Шишкова (за большую работу по изданию книг о русской провинции) и премии «Имперская культура» и др.

Живи, сияй, люби, Россия!

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

В час, когда всё засыпает,
Я склонился над Вселенной.
Что прекраснее бывает
Красоты её нетленной?

Два пилота чуть устали,
Но полёт звенел струною,
Звёзды яркие блистали
Надо мной и подо мною.

Нити млечные тянулись,
Как миров незримых звенья.
И в душе моей проснулись
Ядовитые сомненья.

Для чего, чудак, стремился
Я измерить эту бездну,
Если я вчера родился,
Если завтра я исчезну?

В тесноте земного круга
Для чего мы даль тревожим,
Если рядом мы друг друга
Испокон понять не можем?

Если нас не примирила
Общей гибели угроза,
И враждой живёт полмира,
И страшна сомнений доза?

Но по курсу вдруг сверкнуло.
В свете молнии мгновенной
Самолёт слегка трянуло,
И забыл я о Вселенной...

Впереди стояли тучи
Огнедышащей стеною,
И решил я: будет лучше
Обойти их стороною.

И на глаз без промедленья
Выдал курс я для обхода.
Тени не было сомненья
В безопасности исхода.

Скоро нам открылись дали
Бесконечностью ночною,
Звёзды снова заблистали
Надо мной и подо мною.

Нити млечные тянулись,
Как миров незримых звенья,
И в душе моей проснулись
Ядовитые сомненья,

Что не грозы это были,
Разметав огня иголки,
Что не град мы обходили,
А Земли своей осколки.

И отныне бесконечно
Длится нашему полёту...
Продолжая безупречно
Выполнять свою работу,

Думал я: вот наважденье,
Где не мыслим курс обхода,

Исключающий сомненья
В безопасности исхода.

Знает верный мой Пегас,
Как мне пел родной Донбасс
В час рождения в землянке
Марш «Прощание славянки».

Вспоминала мама: «Он
Заглушал вселенский стон...»
В муках думала она,
Что не кончилась война.

Вот и выпал жребий мне –
Жить, с тех пор как на войне,
И узнать, что Судный час –
Это огненный Донбасс.

*Весь мир – создание Поэта
В сгущеньях тьмы, в сиянье Света...
Наталья Сидорина*

Я тоже в Судный час родился.
И мне споют за упокой
За то, что в грозах окропился
Святою вышнею водой.

В грядущем нового покроя
Не избежать путей во мгле,
Ведь нет и не было покоя
На Небесах и на Земле.

Но в иерархии нетленной
Сошлись в одном душа и плоть,
Что мой Отец – Поэт Вселенной,
И что зовут Его Господь.

Засим живу Его молитвой
В объятьях бесконечных бурь,
Как воин света перед битвой

Влюблённый в певчую лазурь.

Чтобы Лад на Руси не вымер,
Прю смиряя и вражью рать,
Был язычником князь Владимир
И Антихристом мог бы стать.

Но в приливе любви и долга
Перед Сущим всея и всего
Непрестанно княгиня Ольга
Чла молитвы за внука своего.

И молитвенный замысел сбился:
Князь пресёк сатаны приход,
Тем, что в Корсуни сам крестился
И крестил на Руси народ.

Из века в век тебе не рады
И призывают смерть твою
Всечасно аспидные гады.
Но не кляни судьбу свою.

Живи, сияй, люби, Россия!
Твоим страданьям нет конца.
С тобой Угодники Святые
И бремя Божьего Венца.

Мир предан брани и злословью,
Пронизан стрелами клевет.
Но будет он твоей любовью
Спасён как верности завет.

А.А. ТАХО-ГОДИ

Над цветком задумалась Психея,
Не заметив, как прошли века,
И пред ней смиряясь и редая,
Грозовые тают облака.

Много есть чудесного в природе.
Обозри и Запад и Восток
И поймёшь, что Аза Тахо-Годи —
Истинный античности цветок.

Потому, пройдя сквозь все препоны,
По Арбату день и ночь идут
Римские стальные легионы
И по праву честь ей отдают.

И в движенье их необозримом,
Как вселенских градов побратим,
В Божеском венце необоримом
Восстает из пепла Третий Рим!

Вергилий, брат! Весь Рим с тобой:
Над Музами не властны баксы.
Не потому ли на убой
Ведут народы англо-саксы?!

О, Англия! Распята Лира
И плохи, знать, твои дела,
Коль даже Вильяма Шекспира
Ты, словно шлюха, предала.

Неужто нам безбожно лгали,
Когда, смутив земных царей,
Тебя владыцею звали
Всех океанов и морей?

Уже небесная стихия
Твоею жертвой пасть могла,
Но богоносная Россия
Свою обитель не сдала...

Вергилий, брат! Весь Мир с тобой:
Над Музами не властны баксы.
Не потому ли на убой
Ведут народы англо-саксы?!

Я с болью за тебя молюсь.
Была ты в Боге светом веры,
Святая Киевская Русь,
А стала поприщем Бандеры.

Ты отказалась от корней,
Избрав стезю безродной плаксы.
И зверя лютого сильней
В тебя вцепились англо-саксы.

От радости и крови пьян,
Склонился Запад над тобою:
Вражда смертельная славян
Всегда была его мечтою.

Молю тебя: скорей вернись
К себе единственной, исконной.
Да будет светлой твоя жизнь,
Как Вышний Свет любви бездонной!

Донбасс, Донбасс! Ты первым принял бой
На свете от убийств давно не белом.
Святая Русь спасённая тобой
Взывает быть беспамятству пределом.

Быть искупленьем. Корчевать как пни
Богов, убийц берущих на поруки.
Дороги выломать, как собственные руки,
Если ведут к беспамятству они.

Тебе, Донбасс, поклон мой как герою.
Достоин ты и славы, и любви.
Сияй в веках Саур-горою
Где устояли воины твои.

ОТВЕТ

Помню, мама Бога ради
Мне дала кулёк конфет,
Чтобы я поднёс их дяде
Вместо бросовых монет.

Сноп служил ему подмостом.
Сам он двигаться не мог
И, к тому ж, с меня был ростом,
С орденами, но без ног.

Взяв кулёк одной рукою,
Он другой меня обнял.
И, поникнув головою,
Вдруг надрывно зарыдал.

Я не знал, что это значит,
И не мог найти ответ:
– Почему так дядя плачет
Над кульком моих конфет?

Но сказала мама мне:
– Дядя смело с немцем бился,
Отдал ноги на войне,
Чтобы ты, сынок, родился.

Мне часто в детстве не хватало хлеба.
Я рос напропалую, как трава.
Но рано понял, что Земля без Неба
Всего лишь беспризорная вдова.

И с той поры, как зов судьбы, приемлю
Сон явленный наивному мальцу,
Что вырасту и за поводья Землю
Я приведу к Небесному Венцу.

ВЛАДИМИРУ КОСТРОВУ

Дано поэту Божье Слово.
Вот почему сей жребий свят.
Стихи Владимира Кострова
Огнями вышними горят.

Они стезёю путеводной
Приветили мой путь земной,
Где вьюжит нечистью безродной

И впереди, и за спиной.

СОЗДАТЕЛЮ КРЫЛАТОГО МЕТАЛЛА

Иван Иванович Сидорин,
Учёный, русский инженер,
В Стране Советской Божий Воин,
Звезды Господней Кавалер.

Бог осенил его чело.
Его душа преград не знала –
Он Русь поставил на крыло
Из легкокрылого металла.

Былых и будущих веков
Он видел связь в единстве правил.
И сам своих учеников
На страже Истины поставил.

КОВЧЕГ ЗЕЛИНСКОГО

Помолимся в святых стенах музея,
Что от палат кремлёвских невели.
Помилуй, Господи, Зелинского Андрея
И век ему воистину продли!

Достоин он судьбы Мафусаила,
Наследник Ноя и его собрат.
В делах и помыслах одна благая сила
Связала их стезёю Царских Врат.

В пучине бездуховного потопа.
Андрей Зелинский нам явил Ковчег,
Спасись в котором может вся Европа
И вся Россия, уходя в разбег.

И в том разбеге внутренней свободы,
Оставив распри и вражду в былом,
Спасутся вместе с нею все народы,
Что удержались под её крылом.

Таких метаморфоз не знал Овидий,

Не ждал их и теперь ни враг, ни друг.
Ковчег Зелинского не требует субсидий,
Поскольку он, по сути, в чистом виде –
Просто Великий Миротворный Круг.

Велик и славен Гёте Иоганн.
Его таланту мир был тесен.
Он Бога с чёртом заключил в роман,
Но Фауст мне не интересен.

Меня влечёт Зелинского Вопрос,
Где тему Литургического Круга
Возглавил изначально сам Христос,
Где по любви мы узнаём друг друга.

ЧЕЛОВЕК

Вот человек! Не веря ни в кого,
Он полон суеты и безразличья.
Но, морщась от ничтожества его,
Я задыхаюсь без его величья.

Я без его прозренья как без рук
Среди валов оскаленных у вёсел.
Мне страшен сердца собственного стук,
Мне кажется, в беде я друга бросил.

И так всегда, пророк ли я времён,
В цари ли возведён, иль в прах низложен,
Лечу ли на коне, иль под конём —
Я весь в долгах. И целый мир мне должен.

Так в чём же тайна? Кто же я такой?
Себя пытал я, и меня пытали.
И кто-то бил железною рукой,
И чьи-то губы прах мой целовали.

Менялись поколения стократ,
И реками умы впадали в косность,
Но видел изумлённый Гиппократ —
Под кожу моей мерцает космос.

Во все века, на грани разрушенья,
Борясь с непониманием столиким,
Не над людьми ищю я возвышенья –
Я быть хочу себе равновеликим.

В небе месяц блестит, как подкова.
Кто его, кто его разогнёт,
Кто тебя, путеводное слово,
В бесприютные души вернёт?

Я узнал эту твердь, слава Богу,
И своё отраженье в воде,
Что с небес пролилась на дорогу,
И застыла в её борозде...

Я стремился в небесные дали,
Порывался земные пройти.
Нет на свете горчее печали,
Чем судьба – раствориться в пути.

Я не красный и не белый
И в глазах иных урод,
Потому что я за целый
Православный наш народ.

Слава Небу! Не за здравствуй
Символ власти знаю я:
Разделяй людей и властвуй,
Отними у них Царя.

Отними у них дорогу
От порога в Божий Храм
И всели в сердца к подлогу
Дух смятения и срам.

Разведи отца и сына,
Чтоб во всём царил раздрай
И бесплодия пучина
Поглотила Отчий край...

Я не красный и не белый

И в глазах иных урод,
Потому что я за целый
Православный наш народ.

Я чужд всецело демократам.
И либералам трижды чужд.
Их не поднимешь и домкратом
На поприще народных нужд.

Блюдя во всём апостасию
И видя в ней лишь абсолют,
Они впиявились в Россию
И кровь её как воду пьют.

Разгулялась свинья демократии,
Докатилась до ручки самой,
Отразилась в народном проклятии
И осталась навеки свиньёй,
Ибо пала в словесное месиво
И скончалась невесть отчего.
Поминали проказницу весело,
Словно свинство превыше всего.

На сокращение медсестёр под видом оптимизации

Был Гиппократ врачом народа.
И говорил леча народ,
Что нет леченья без ухода,
Есть без него навек уход.

В войну, в палатах медсанбата
Врачам был часто свет не мил,
Но, давши клятву Гиппократа,
Ей ни один не изменил.

Горька стезя расстроенного быта
Среди потерь и дорогих теней.
Я Русь люблю за то, что в ней сокрыто,

За то, что не избыть печали в ней.

Её поля, могилы и сугробы
И храмы взору говорят, что здесь
Живёт народ печали, а не злобы,
И верит он, что правда в мире есть.

Его не раз обкрадовали воры.
Над ним трудились сонмы палачей.
О нём гремели яростные споры...
А он, как прежде, Божий иль ничей.

Отверзи очи и восстань для слуха,
Дабы открылась истина сия:
Во имя Чести и Святого Духа
Поэзия – мерило Бытия.

Политая кровью и потом,
Согретая солнцем весны
Земля не бывает банкротом,
Земля не имеет цены.

Оставьте же люди дебаты
О мощи финансовых сил –
За всё заплатили солдаты
Безмолвием братских могил.

Мне безымянная приснилась высота.
Гудят шмели, ромашки расцветают.
Я – лейтенант, моя душа чиста,
Со всех сторон нас молча окружают.

А на листьях роса рассеивает свет,
Трепещет роща в золоченье красном.
Я отвожу бинокль – спасенья нет,
Мне повезло – так просто всё и ясно.

Мне повезло – вокруг меня бойцы
Годятся мне по возрасту в отцы.

Идёт по кругу щепоть самосада.
Они спокойны, им речей не надмо

Не надо им о долге повторять,
Перечислять тяжёлые утраты.
Ничем нас у России не отнять,
Спасибо ей, что мы – её ссдаты.

Я питался в былом чем попало.
Чем придётся питаюсь теперь.
Век двадцатый вонзил в меня жало
И навеки уснул, словно зверь.

Но склонился над ним только Сталин,
Что пытался его обуздать.
И вставала за ним из развалин
Богородица, Родина-мать.

Други! Выпьем за отвагу,
За нетленный идеал!
Свой приказ: “Назад ни шагу!” —
Сталин ведь не отменял.

Вспомним: в пору ратных споров,
В дни раздоров и опал
Полководец наш Суворов
Никогда не отступал.

Вспомним гром его удара:
Гренадёры в полный рост,
Глядя в пропасть Сен-Готара,
Одолели Чёртов мост.

Укротим же дух раздоров,
Чтоб звучал Победы глас!
Ведь на небе сам Суворов
Богу молится за нас.

Н.В. Балашенкову

Для Вас, полковник, рифм не жалко!
Не зря поёт мне мой Пегас,
Что мне не выслужить отставку,
Что мне не вырваться в запас.

Мир превратился в поле брани.
Где тот, кто видит в этом толк?
Давно кружу я, как в тумане,
И не могу найти свой полк.

За что — не знаю участь эта,
И как понять душе родной,
Что я вернулся с того света,
Сразиться с кликой мировой?..

РУССКАЯ ВЕРСТА

Куда вы рвётесь, русофобы,
Как слуги аспидной утробы?
Решили, видно, неспроста
Пройти Московию до края
Путём вражды, того не зная,
Что значит русская верста.

Невняты вам её скрижали:
Не наши бабы вас рожали,
Вас беды наши не трясли,
Вы наших дальше не видали,
Вы наших песен не певали,
Идя на зов Святой Руси.

Вас влёт призыв иных походов,
Видавших в ней тюрьму народов,
Вкушавших рознь её племён.
Но тем ничтожны ваши крики,
Что Русь сроднила все языки,
Что ею молох усмирён.

Всегда рвались вы в мир наш Богов
Для провокаций и подлогов,

Как дел нечистых мастера.
Се! Час истёк ваш ядом злобы
Пора, пора вам бечь во гробы,
Поджав хвосты, давно пора.

Не то, из мрака вашей плоти
В свиней все скопом вы войдёте
По Воле Божьего Перста.
И пав с обрыва, на излёте
В бездонной пропасти поймёте,
Что значит русская верста.

Что грустят господа офицеры
Без военной идеи страны?
Ждёт Россия от вас только веры,
Если вправду её вы сыны.

Разве братских могил обелиски
Ищут новый приют запасной?
У солдата иной нет прописки,
Кроме отчей землицы родной.

Господа офицеры, немало
Довелось пережить вам невзгод
Сколько раз ваша доблесть спасала
Обескровленный горем народ.

Сколько раз вашу честь унижали
И на вас уповали потом.
Но гласят золотые скрижали
О призвании вашем святом.

Не на рынок ведёт вас дорога,
Вам ли страшен терновый венец,
Вы не слуги, вы – воины Бога!
Он России и Царь, и Отец.

Цветёт сиреневая ветка,
Поёт и курский соловей,
Пока есть внешняя разведка

И офицерский корпус в ней.

Поведай же скорее, Лира
Благословенная моя,
Что без неё не будет мира,
Погаснет радость бытия.

Не смолкнет музыка Кавказа,
Пока приемля Божий Глас,
Бойцы Господнего спецназа
Смиряют бесов среди нас.

Жизнь – это то, что проходит,
Что нам надлежит передать.
Дай Бог, чтоб в грядущем народе
Смогли мы друг друга узнать.
Дай Бог, чтоб узнали нас дети.
И внуки признали, дай Бог,
За то, что погибли ветер
Нас вырвать с корнями не смог.